

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Лямина Е., Самовер Н.
Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца.
М.: Новое литературное обозрение, 2024. 760 с.; ил.**

К.Ю. Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; yurij-danilevskij@yandex.ru

Аннотация: В монографии Е. Ляминой и Н. Самовер «Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца» (2024) подробнейшим образом рассмотрена биография Ивана Андреевича Крылова (1769–1844). При этом информация, сообщавшаяся о себе писателем, последовательно соотнесена с документами и свидетельствами его современников. Исследовательницы детально анализируют феномен фарсового поведения Крылова, целью которого было скрыть сомнительные факты ранней биографии и защитить свою приватную сферу. В монографии также анализируется история официальной трактовки его басен как воплощения «народности» и коммеморативные практики, связанные с Крыловым.

Ключевые слова: русская литература XVIII — первой трети XIX века; И.А. Крылов; литература и власть; коммеморативные практики

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-18

Для цитирования: Лаппо-Данилевский К.Ю. Рецензия на книгу: Лямина Е., Самовер Н. Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 760 с.; ил. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 198–206.

**REVIEW OF THE BOOK: Liamina E., Samover N. Ivan
Krylov — Superstar. The Phenomenon of the Russian Fable
Writer. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2024.
760 p.; ill.**

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; yurij-danilevskij@yandex.ru

Abstract: In the monograph by E. Lyamina and N. Samover, “Ivan Krylov — Superstar. The Phenomenon of the Russian Fable Writer” (2024), the biography of Ivan Andreevich Krylov (1769–1844) is examined in great detail. The information provided by the writer about himself is systematically cross-referenced with documents and testimonies from his contemporaries. The researchers thoroughly

analyze the phenomenon of Krylov's farcical behavior, the purpose of which was to conceal questionable facts of his early life and to protect his privacy. The monograph also examines the history of the official interpretation of his fables as an embodiment of "national character" and the commemorative practices associated with Krylov.

Keywords: Russian literature of the 18th — first third of the 19th century; I.A. Krylov; literature and authorities; commemorative practices

For citation: Lappo-Danilevskii K.Yu. (2026) Review of the Book: Liamina E., Samover N. Ivan Krylov — Superstar. The Phenomenon of the Russian Fable Writer. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2024. 760 p.; ill. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 198–206.

Название монографии Е.Э. Ляминой и Н.В. Савовер «Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца» приводит на память ряд исследований последнего времени о том, как тот или иной писатель «вышел в гении». Но, даже бегло пролистав книгу, несложно заметить, что круг рассмотрения Ляминой и Савовер куда шире, чем может предполагать эта формула, — это и сама личность Крылова в развитии, и то, как и почему он сам себя сделал баснописцем, и то, какие обстоятельства и кто из его окружения этому способствовал, и то, как еще при жизни складывались предпосылки посмертного культа писателя как выразителя русской «народности», то есть как возник, креп, а порой и давал трещины «феномен русского баснописца», важнейшей ипостасью которого стал «дедушка Крылов» — мифологическая фигура, которая продолжает жить в умах все новых и новых поколений главным образом благодаря школьному преподаванию и официозным установкам. Сама эта формула, поначалу добродушно-ироничная, впервые прозвучала в куплетах П.А. Вяземского, исполненных на праздновании 50-летия литературной деятельности Крылова 2 февраля 1838 г., но вскоре она была переосмыслена и взята на вооружение официозными кон-текстами.

«Введение», открывающее книгу, представляет собой обзор изданий Крылова XIX–XX вв. в сопряжении с важнейшими интерпретациями его личности и творчества, которые обычно сопутствовали им. Отправной точкой становятся книги, подготовленные П.А. Плетневым, ректором Петербургского университета и ближайшим сподвижником С.С. Уварова. Именно он формулирует в своем предисловии к первому «Полному собранию сочинений» Крылова 1847 г. понимание народности баснописца, определяемое исследовательницами как «всесословность, общепонятность и едва ли не мистическая слиянность с самим духом русского языка» (с. 13). И здесь, и в предисловии к однотомнику басен Крылова, опубликованному в том же 1847 г., заложен краеугольный камень в основание

биографического мифа о писателе как о гениальном русском самоучке, обладателе природного таланта, преодолевшем все преграды на пути самореализации, равнодушном к славе, но оцененном современниками и осыпанным благодеяниями высшей власти. Эта прямолинейная официозная интерпретация, насаждавшаяся при переизданиях произведений писателя и неоднократно вызывавшая иронические реакции, впервые подверглась критическому осмыслению в биографическом очерке поэта, написанном В.В. Каллашем для четырехтомного собрания сочинений Крылова (СПб., 1904–1905). В этой статье на место благодостной картины гармонического сосуществования с современниками приходит подкрепленное фактами убеждение о «безысходном скептицизме и эгоизме писателя», внутренней драме, скрываемой под различными масками.

В советское время этот критический подход к плетневскому нарративу, усилив социологическую составляющую и говоря уже о «цинизме» Крылова, продолжил Г.А. Гуковский, наиболее полно сформулировавший свою концепцию во вступительной статье к «Полному собранию стихотворений» Крылова в «Библиотеке поэта» (1935). Как справедливо пишут Лямина и Самовер, «Гуковский, в сущности, лишь риторически трансформирует формулы своих предшественников, окружая их терминами “классовая позиция”, “подлинный радикализм”, “мелкобуржуазный бунтарь, не нашедший своей среды” и т. д.» (с. 23). В конце же своей статьи Гуковский практически повторяет основные положения Каллаша, делая упор на антиправительственный характер демонстративно-низменного поведения баснописца, говоря о «разрастании его цинизма».

Касаясь далее основных изданий Крылова второй половины XX-го и первых лет XXI столетия, Лямина и Самовер справедливо сожалеют о поспешности, с какой в 1945–1946 гг. было выпущено трехтомное «Полное собрание сочинений» Крылова, работа над которым была стремительно начата во время Великой Отечественной войны в связи с Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О столетии со дня смерти И.А. Крылова» от 15 июля 1944 г., когда общенародно любимого классика решили «мобилизовать» на защиту страны. Зияющей культурной лакуной, по их мнению, следует признать отсутствие полного академического издания сочинений Крылова — и это несмотря на то, что имеются основательно подготовленные издания его басен и драматургии (соответственно А.П. Могилянским в 1956 г. и Л.И. Киселевой в 2001 г.). Что касается исследовательской литературы о Крылове, то, полагают Лямина и Самовер, многие достойные исследования до известной степени «повисают» в пустоте, будучи лишены опоры на большой обобщающий нарратив сопоставимого с ними научного качества.

Как нетрудно догадаться, на создание подобного нарратива и претендует книга «Иван Крылов — Superstar».

Себя исследовательницы ощущают теми, кто продолжает линию А.М., М.Я. и Я.А. Гординых, чьи работы сделали возможным «осмысление личности, биографии и творчества Крылова как целостного феномена, возникшего и развивавшегося в богатейшем историческом контексте» (с. 29). Но в отличие от Гординых, Лямина и Самовер, по их собственному утверждению, стремятся к фронтальной контекстуализации, к вовлечению в сферу исследования куда большего числа контекстов, чтобы «дать связное описание *стратегий* Крылова — коммерческих, литературных, поведенческих, а также стратегий создания и трансляции собственной мифологии» (с. 30). Исследовательниц, таким образом, интересует в первую очередь социальное бытование литературы, а художественные произведения оказываются поэтому оттеснены в книге на второй план.

Глава первая «Картежник, баснописец, классик» — интегральная, на нее в той или иной степени «завязаны» все остальные, что побуждает уделить ей особое внимание. Это биографический очерк, впечатляющий постоянным критическим соотношением информации, восходящей к самому Крылову, со сведениями из архивов и научных публикаций. Выстраивающаяся фабула сродни классическому плутовскому роману, герой которого из-за бедности и скромного происхождения должен полагаться на свою сметливость и предприимчивость, чтобы добиться жизненного успеха и респектабельности, а затем и забвения сомнительных походов юности. Реальный финал этой жизненной истории способен поспорить с самыми смелыми фантазиями авторов пикарескных романов — Крылов осыпан благодеяниями царственных особ, его басни издаются гигантскими для его времени тиражами и приносят ему огромные гонорары, а в последние годы он, удостоенный всенародной любви, находит тихий приют в семье своей внебрачной дочери, почитывая книжки ее пятерым детям.

При этом ранняя биография Крылова полна белых пятен и темных периодов. Достаточно упомянуть о том, что даже дата и место рождения писателя в точности не известны, а сама его жизнь с раннего возраста была переполнена драматическими перипетиями, подробно освещаемыми в книге «Иван Крылов — Superstar». Ранняя смерть Андрея Прохоровича Крылова, отца будущего писателя, 17 марта 1778 г. в возрасте сорока лет становится страшным ударом для его семьи, которая, казалось бы, обрела в Твери некоторое благосостояние после мытарств по провинциальным гарнизонам. Благодаря видной должности отца в Твери Крылов-младший был

обласкан в семействах наместника Т.И. Тутолмина и советника наместнического правления Н.П. Львова. В Твери же будущий баснописец, видимо, получил первые театральные впечатления. Юный Иван Крылов, еще в 1777 г., восьми лет от роду, записанный в статскую службу, после смерти отца поневоле становится главным кормильцем для матери и младшего брата, ибо никакими имениями Крыловы не владели. Несмотря на это будущий баснописец решает на весьма рискованный шаг — отлучиться в 1782 г. в столицу, а затем и перейти в тамошнюю службу.

Этот первый петербургский период жизни Крылова продлится до первой половины 1794 г. и будет наполнен попытками проникнуть в театральные круги и утвердиться в качестве драматурга. Крылову это почти удастся, но рискованный демарш — написание комедии «Проказники» (1788), направленной против Я.Б. Княжнина и его жены, — оборачивается фиаско и вызывает гнев П.А. Соймонова, влиятельного члена Комитета для управления зрелищами и музыкой. Лямина и Самовер склонны видеть в «Проказниках» обдуманый шаг к созданию скандала с целью привлечения к себе всеобщего внимания и упрочения литературной репутации. С этим трудно согласиться — скорее здесь имела место спонтанная и безоглядная выходка юного «бурного гения», оскорбленного высокомерием Княжнинных и наивно полагавшего, что он имеет право вступить с ними в борьбу на равных и что сможет в такой ситуации рассчитывать на симпатии и театральной администрации, и публики.

Разлученный с театром, Крылов обращает свой взгляд в сторону журналистики. Поначалу в этом ему оказывает поддержку вольтерьянец И.Г. Рахманинов, издавая в 1789 г. в собственной типографии «Почту духов». Малая насыщенность книжного рынка делала в конце 1780-х — 1790-х гг. многие издательские инициативы, как книжные, так и журнальные, весьма прибыльными. Именно коммерческими видами объясняется создание И.А. Дмитриевским, А.И. Клушиным, Крыловым и П.А. Плавильщиковым в конце 1791 г. паевого товарищества для учреждения типографии, заведения книжной лавки и издания журнала, выходившего в свет, впрочем, всего два неполных года — сначала под названием «Зритель», затем — «Санкт-Петербургский Меркурий».

То, что в 1791 и 1792 г. Крылов, тогда не служивший и не имевший постоянного источника дохода, смог внести в качестве своего пая в общей сложности весьма значительную сумму в 250 рублей, не без оснований подводит Лямину и Самовер к мысли о том, что уже в это время изрядную часть доходов Крылова составляла карточная игра. Некие «проказы», по позднейшему утверждению самого баснописца, побуждают его покинуть Петербург в первом полугодии 1794 г.

Исследовательницы проявляют, на мой взгляд, излишнюю осторожность, не будучи до конца уверенными в том, что фигурирующий в отчетах московской полиции за август 1795 г. игрок «подпоручик Иван Крылов» — это именно герой их книги, ибо тот никогда в военной службе не состоял. В основе подобных отчетов обычно лежали донесения неких агентов, так что в данном случае, скорее всего, передано то, как сам Крылов представлялся в кругах игроков. К тому же именно Василий Татищев, широко распахнувший картежникам двери своего московского дома, вскоре был подвергнут высылке из Первопрестольной вместе с другими игроками, и именно в его имении на какое-то время нашел прибежище Крылов. Видеть поэтому в Татищеве и Крылове патрона и клиента вряд ли правомерно, как это делают авторы книги. Их отношения были явно приятельские благодаря принадлежности обоих к игорному братству и несмотря на имущественные различия.

Картежничество, погружение в полукриминальную среду (впрочем, обо всем этом большей частью приходится лишь догадываться, ибо позднее Крылов стремился всячески затушевать эти аспекты своей биографии), годы, наполненные событиями, о которых писатель предпочитал умалчивать, — по мнению исследовательниц, все это довольно сложно найти в жизни других выдающихся русских писателей: «Ничего подобного нет в биографии ни одного из отечественных писателей первого ряда, тем более классиков» (с. 162). Со столь категоричным мнением сложно согласиться — достаточно вспомнить Г.Р. Державина, принадлежавшего к поколению отца баснописца. Также рано осиротевший, он должен был рано взять на себя заботы о матери и младшем брате. И хотя Державины, в отличие от Крыловых, имели и небольшие земельные угодья, и немного крепостных, но их доходы от этой собственности были ничтожны, и Державин, постоянно нуждавшийся в деньгах, вынужден был постоянно искать дополнительных прибытков.

В 1768–1770 гг. он почти на два года «выпал» из службы, задержавшись в Москве и чудом не разрушив свой карьеры. В Москве Державин оказывается втянут в картежные игры и аферы, чреватые для него серьезными последствиями, так что в марте 1770 г. он буквально бежит в Петербург. Осмыслением этого драматического опыта становится стихотворение «Раскаяние», при жизни Державина не напечатанное. Об этих двух «темных годах» он вспоминал позднее едва ли не с содроганием. Впрочем, и в Петербурге поэт не оставляет карт, но, приобретая необходимый опыт, играет уже намного осторожнее и потому успешнее. Также и в середине 1770-х гг., уже после возвращения в столицу после подавления пугачевщины,

карточные выигрыши составляют весьма важную часть доходов Державина, о чем он открыто пишет в своих «Записках».

Но сколь ни была успешна игра Крылова в карты, не имея постоянного заработка и надолго выпав из службы, он остро нуждался в покровительстве и поддержке сильных мира сего. Модель «патрон-клиент» с куда большей верностью, чем в случае с Татищевым, применяется исследователями к отношениям Крылова с С.Ф. Голицыным и к более поздним — с А.Н. Олениным. Взаимоотношения патрона и клиента предполагают не только покровительство первого, но и определенную «отдачу» со стороны второго, и если в случае Голицына она не очень ясна, то в случае Оленина она ожидалась в виде литературной продукции и культурного служения патриотическим ценностям.

Вернувшись в 1806 г. в столицу и заявив о себе как успешный драматург пьесами «Модная лавка», «Урок дочкам» и «Илья богатырь», Крылов доказал, что за годы вынужденного творческого бездействия его талант только окреп. Лямина и Самовер детально прослеживают, как вскоре на долгий срок складывается союз сановника и литератора, суливший второму из них возвращение в государственную службу и многочисленные поощрения. Они также справедливо отмечают, что именно «в ходе идейных и эстетических поисков оленинского круга были намечены контуры концепции национального характера, художественным воплощением которой стали басни Крылова» (с. 133). Это способствует благосклонному вниманию к его творчеству и двора, и представителей высших сфер — в первую очередь могущественного министра народного просвещения графа С.С. Уварова, — а также «огосударствливанию» Крылова, введению его басен, трактуемых как воплощение имперской «народности», в пантеон официальной идеологии.

Эпизод празднования пятидесятилетия литературной деятельности баснописца Крылова, крайне важный в контексте официализации его творчества, подробно рассматривается в главе второй «Grossvater. Крыловский юбилей и его контексты». Интрига борьбы между различными бюрократическими группировками, которые стремились перехватить друг у друга инициативу празднования, придает особенную увлекательность этому нетривиальному сюжету. В режиме постоянной корреляции с главой первой выстраивается глава третья «Прагматика фарса», где Крылов предстает как мастер еще одного малого жанра — комических сценок, которые им охотно разыгрывались или же существовали в виде анекдотов, охотно им рассказываемых и рассчитанных на дальнейшую ретрансляцию. Системность фарсового поведения Крылова сказывалась прежде всего в том, что он в течение многих лет целенаправленно

выстраивал образ собственной личности, который должен был стать ширмой между ним и его современниками. Фарсы Крылова, складывающиеся в разнообразные циклы (литературные, придворные и прочие), как убедительно показано в книге, преследовали две главные цели — скрыть подлинную биографию их автора и защитить сферу его приватности. Одновременно, чего уж греха таить, они помогали Крылову пользоваться благами и высочайшего покровительства, и всенародной любви.

Главы четвертая «Как Петербург хоронил баснописца Крылова», пятая «Чей дедушка?» и шестая «Крыловский монумент» посвящены важнейшим эпизодам посмертной судьбы Крылова — его погребению и сопутствовавшей этому атмосфере, шквалу некрологов и мемуарных статей, а также истории воздвижения знаменитого монумента в Летнем саду. Их стержневой сюжет — продолжение «огосударствливания» личности и творчества Крылова властями, предрежащими благодаря исключительной силы рычагам, находившимся в их распоряжении. Основное изложение завершается постскриптумом к шестой главе, посвященным появлению Крылова на памятнике «Тысячелетие России», торжественно открытом в Новгороде 20 сентября 1862 г. И это оправданно — вектор дальнейшего изучения и толкования творчества и личности Крылова был уже очерчен в предисловии, а их подробный анализ может стать темой отдельных исследований. В полуторастраничном «Вместо заключения» Ляминой и Самовер не остается ничего иного, как признаться в «главном открытии», которое они в конце концов сделали для себя, — а именно о том, что по настоящее время «феномен русского баснописца» «существует практически в том же виде, в каком он возник когда-то», и что «дедушка Крылов» сохраняет свои нерушимые позиции в коллективном бессознательном людей, говорящих по-русски, а русская речь и литература по сей день «полны крыловскими цитатами и пронизаны крыловскими аллюзиями» (с. 728).

Предпринятую в книге «Иван Крылов — Superstar» попытку широкой контекстуализации басне- и жизнетворчества Крылова, как и коммеморативных практик, ему посвященных, следует признать вполне удавшейся. Как было показано выше, возрождаемые и актуализируемые Ляминой и Самовер контексты более чем разнообразны — политические и идеологические, придворные, коммерческие, театральные, поведенческие, погребальные, чествований и юбилеев, литературных обедов, чудачеств, коммеморативные и др. Они неизменно релевантны, фактически насыщены и дают обильную пищу для дальнейших размышлений. Закрывая книгу, ловишь себя на желании перечислить всего Крылова от корки до корки и не только и, может быть, не столько соотнести написанное им с многообраз-

ными контекстами, сколько по-новому осмыслить для себя феномен его художественного таланта и его житейской мудрости.

Поступила в редакцию 25.10.2025

Отредактирована 18.04.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 25.10.2025

Revised 18.04.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский — д.ф.н., Dr. habil., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; yurij-danilevskij@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii — DSc in Philology, Dr. Habil. in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; yurij-danilevskij@yandex.ru